

ПОЩЕЧИНА

- Это сделал твой род, детка. – Сказал мне дед Вардан, сразу же утром, как только он меня увидел во второй день нашего приезда в деревню Мсмна, что в Карабахе.

Я с раннего детства знала деда Вардана. Он часто заходил к моему прадедушке Аваку. Обычно это бывало под вечер, скорее к темноте. Прабабушка моя Эрикназ, которую мы просто называли бабушкой, знала, зачем он заходит и, потому не спрашивая: «Что вы будете пить, и будете ли ужинать вообще?», всегда молча, накрывала на стол. Обычно, они сидели на балконе, прадедушка поднимал бокал с туговой водкой, внимательно вглядывался вдаль и приговаривал всегда одну и ту же фразу: «Господи Боже, будь Ты нам помощником!». Потом они ели хлеб с козьим сыром. Потом начиналась их беседа. Странная, такая беседа. Они молчали...

Никому, даже мне – любимой правнучке, не было позволительно мешать им в это время. Как-то раз я спросила у бабушки Эрик:

- Бабушка, а где живет Бог?
- На небесах, детка, на небесах.
- А почему дедушка смотрит вон на ту гору, когда говорит с Богом?
- Он думает, что Бог – это красота.
- Бабушка, а можно я у него спрошу?
- Нет. – Строго сказала мне прабабушка, – Не мешай им. Они заняты.
- Бабушка, они же ничего не делают. Они же просто молчат!?
- Они беседуют, детка.
- О чем?
- О былом-прошедшем, детка, о былом ...

* * *

В тот день у Авака были гости.

Два дня как прибыл товар из Бухары и к Аваку зачастили торговые люди – перекупщики, а то и просто – покупатели. Хозяин был вежлив и учтив со всеми, кто заходил в магазин, занимавший весь первый этаж их большого двухэтажного дома рядом с церковью в Шуши. Но друзей и некоторых особо знатных посетителей Авак по обыкновению приглашал на второй этаж – отведать бухарских сладостей и отменный индийский чай из Мадраса.

В тот день среди гостей был и Хосров-бек Поладов. Он несколько лет как приехал в Шуши жить и купил себе огромный дом. Мало что было известно о его прошлом. Ходили слухи, что он был разжалованным полковником русской армии. И ровным счетом ничего кроме этого – где он воевал и за что был разжалован – никто в городе точно не мог сказать. Хотя, слухи... Слухам, как и всюду на востоке, было принято доверять. Так вот, поговаривали, что Поладов был разжалован в последнюю чеченскую компанию за то, что зарубил шашкой подчиненного ему офицера-армянина за невыполнение приказа перерезать горло пленного чеченского мальчика, выкравшего у него коня.

Ничего также не было известно, какого он рода-племени, чему в этих краях придавали большое значение. Это был на вид человек суровый – подтянутый и сухопарый. Никто из его окружения не смел задавать ему праздных вопросов, особенно о прошлом. Достоверно было известно, только, что он был богат. Говорил он, как и многие в округе, на четырех языках – турецком, армянском, русском и персидском. Но речь его и манера держаться выдавали в нем человека образованного. Вел он аскетический образ жизни. Ни с кем не заводил дружбы. Слуги его рассказывали, что к нему довольно редко приходят гости. Гости эти, кажется, занимались торговлей. Как привезут товар, разгрузят повозки внутри специальных сараев, так сразу и загружают другим товаром и уезжают не переночевав. Погрузкой-разгрузкой занимались те, кто привозили и увозили товар. Одним словом, шла торговля... Торговля оружием.

Знающие люди говорили, что Поладов мечтает, а главное, готовится к большой войне. Они оказались правы. Через год Россия вступила в войну. В Первую Мировую...

И вот в тот памятный день, когда шестнадцатилетний Вардан влюбился в свою прекрасную хозяйку – Эрикназ так, как влюбляются в Мадонну, к Аваку в магазин зашел и Хосров-бек Поладов. Об этом сразу, но тихо – на ухо, сообщили хозяину:

- Ага, Хосров-бек пришел. Говорит, что хочет присмотреть ковер для дома.

- Зовите его наверх.

- Ага, он не один и при оружии ...? – с тревожными нотками в голосе сказал Вардан – бойкий и смекалистый и потому бывший как бы на первых ролях, слуга.

- Кто с ним? - Стараясь сохранять абсолютное спокойствие не только и не столько, перед сидящими за столом гостями и купцами из Бухары, привезшими товар, сколько перед собственной прислугой. Это было важно, ибо в глазах всего Шуши, да и далеко в окружающих селах, Авак-ага слыл человеком смелым, решительным и уравновешенным и потому уважаемым даже среди татарских беков и простолюдинов.

- Только прислуга, Ага, – несколько успокоившись, сказал Вардан.

- Займите и покормите прислугу, а Бека пригласите сюда, – уже громко и привычным повелительным тоном сказал Авак. Вардан учтиво склонив голову, быстро удалился, чтобы выполнить приказание хозяина.

Вардан, как обычно в таких случаях – когда бывали гости, стоял в дверях и ловил каждый взгляд хозяина, который иногда одним движением брови отдавал приказание своему верному слуге. Он с детских лет жил и служил в этом доме, где и научился читать, писать и считать. Он скорее считался членом семьи, чем слугой. И он платил им признательностью и верной службой. Собственных родителей он помнил не очень отчетливо и представлял их в своем воображении больше по рассказам «приемных» как бы родителей – Авака и Эрикназ, чем по своим собственным воспоминаниям. Однако, последний крик матери и этот отблеск ятагана ему запомнились навсегда...

Вардан быстро повзрослел. Знающие люди говорили, что он весь в отца. Такой же смелый и осмотрительный. Он не вступал в драки, но когда мальчишки с улицы несколько раз оскорбили его криком вдогонку «етым» (сирота, тур.), то не побоялся он вступить в драку сразу с тремя врагами, ударить каждого и обратить их в бегство. Об отце его говорили, что когда на их деревню напали качаги – разбойники из татар (потом, почему-то, их стали называть азербайджанцами), он смог простыми вилами свалить с коней и убить двоих перед тем как сам был убит выстрелом в спину.

Поэтому-то он и не спускал глаз с ятагана, свисавшего с пояса Хосров-бека. В уме он решил: чуть что – приставит нож к горлу Бека – пусть только попробует... С этим вот намерением он и следил за каждым его движением, каждым поворотом головы, каждым движением рук.

Боковая дверь тихо приоткрылась. Вошла Эрикназ. Одета она была, как обычно, в национальную армянскую одежду – хылыг. Золотые монеты на лбу говорили о знатном ее происхождении и о богатстве. Ее появление с подносом яств в руках являлось знаком почтения дорогим гостям. За секунду-другую она окинула взглядом – своим чарующим взглядом – гостиную, как бы, определив тем самым кто, где сидит. В первую очередь, она подошла, конечно же, к городскому голове, тоже зашедшему к своему старому другу Аваку, переговорить об обещанной недавно финансовой поддержке для ремонта музыкальной школы города Шуши. Ну, а потом, соответствующее почтение было оказано купцам из Бухары, с которыми муж ее уже много лет вел торговые дела. Хосров-бека Эрикназ едва знала. Он раньше дважды был у них в магазине и оба раза Авак приглашал его сюда – в гостиную, попить чай и поговорить о делах. Оба раза угощала их прислуга. И

только сейчас она воочию увидела человека, о котором в городе ходили столь мрачные слухи.

Эрикназ была красивой и статной женщиной, лет 30-35-и. Ее, как здесь было принято, рано выдали замуж за богатого и преуспевающего купца – человека намного старше нее. Хотя Эрикназ вырастила сына – Амирбара, который к тому времени уже служил в местной полиции (что было почетно по тем временам) и уже без малого двадцать лет управляла хозяйством большого дома, она все еще оставалась необыкновенно женственной и мягкой. Грациозность, плавность ее движений сковывала мужчин. Хотелось смотреть, не отрывая глаз, чтобы не пропустить ни одного ее движения. На нее с восхищением смотрели даже женщины. А сама-то она редко на кого смотрела, в особенности на мужчин. Знала цепящее мужчин свойство своих глаз. Эти глаза... Морская пучина, а не глаза. Голубизна их и глубина завлекали любого, кто всматривался в них, даже на несколько секунд.

К мужу она относилась как к царю – с любовью, почтением и страхом одновременно. В присутствии посторонних, говорила с ним всегда в полголоса, опустив глаза – сама покорность. Качество, которое особо ценили в семейной жизни мужчины на востоке.

С прислугой она была тверда, если не сказать, жестка – учила-требовала чтобы приказания, отдаваемые ею всегда в очень мягкой форме, по дому, по хозяйству, выполнялись точно, аккуратно и с душой. Она умудрялась даже наказывать ласково, но строго.

В то же время в ней чувствовалась необыкновенно четкий, ясный, прямо таки, мужской ум. Не женским (в обыденном смысле этого слова) был у нее и характер – славилась она своей справедливостью и решительностью.

Однажды, как обычно, к Аваку, как к третьейскому судье, пришли два человека. В это время в комнате находилась и Эрикназ. Она тихо сидела на диване и вышивала. Спорщики взволнованно говорили о предмете спора, пытаясь доказать собственную правоту. Совершенно неожиданно, и для себя тоже, Эрикназ позволила себе при муже задать вопрос одному из спорщиков. Ответ этого человека, застигнутого врасплох, многое прояснил, но решение все равно было сложно принять. Авак, потрясенный вопросом, присмотрелся к жене. Он как бы впервые видел ее. И действительно, увидел он ее впервые в новом качестве – в качестве помощницы и советника...

- Что скажешь, Эрик? – Столь же неожиданно для всех присутствующих, обратился он за советом к жене.

Это стало бы «притчей во языцех», если бы не мудрый ответ Эрикназ.

- Каждый человек в своем доме – царь и верховный судья. Эти люди пришли в наш дом – к тебе и решение будет твоим. Но если ты спрашиваешь мое мнение, то я полагаю, что ...

После этого случая Авак на время своих отъездов передал функции народного судьи жене – Эрикназ. Постепенно она прославилась своей справедливостью и мудрыми решениями. Поэтому возникающие споры во всей округе с недавних пор решались только с её помощью. Вынесенный ею, поначалу от имени своего мужа, вердикт, как правило, беспрекословно выполнялся.

И так, Эрикназ к тому времени уже была признанным и авторитетным народным судьёй.

И вот в тот самый момент, когда она с подносом подошла к Поладову, рука его скользнула вниз почти до рукоятки ятагана. Для других это должно было выглядеть, как желание поправить – чтоб не мешала – кривую саблю. Никто, однако, из присутствующих за столом не заметил этого движения. Авак с мэром обсуждали школьные дела. Купцы уже наслаждались угощением. И только у Вардана сердце ускорено забилося. Он нащупал кинжал, припрятанный за пазухой, тихо сделал два шага вперед по направлению к Беку и остановился. Он точно прикинул расстояние и время, за которое он успеет вплотную подойти к Беку сзади, пока тот полностью вытащит свой длинный ятаган. Но все пошло иначе, чем это представлял себе Вардан.

Рука Бека отошла от рукоятки ятагана и как бы невзначай ласково скользнула по руке Эрикназ. Вардан опешил, буквально остолбенел. Этого он ни как не ожидал. Он не знал что предпринять, как отреагировать. Кровь от возмущения хлынула в лицо. Оно побагровело. Но самообладание от природы было свойственно роду Вардана. Глаза его устремились в сторону Авака в надежде получить приказание – что делать. Но тот безмятежно беседовал со своим другом. Он окинул взглядом всех сидящих за столом. Никто не выказывал признаков беспокойства. Казалось, ничего, по крайней мере, ничего страшного, не произошло...

И вдруг хлесткий звук пощечины вывел из состояния оцепенения Вардана. Эрикназ снова взяла поднос в руки и сделала шаг назад. Все за столом всполошились. Авак поднялся и от удивления громко и строго спросил:

- В чем дело Эрикназ?!

Эрикназ ничего не сказала. Она впервые не ответила мужу. Во весь рост поднялся и Хосров-бек. Руки его были приподняты как бы в знак призыва к спокойствию:

- Успокойтесь, прошу вас, успокойтесь. Я был не прав. Все нормально. Извините, ханум. Это произошло случайно, – обратился он к Эрикназ.

Эрикназ молча, с достоинством посмотрела на мужа. Во взгляде его все еще было недоумение, но гнева уже не было. Поэтому она, поклонившись гостям, поспешно удалилась. И только после того как женщина вышла из комнаты, Авак и Поладов сели. Только сейчас все присутствующие, кроме естественно самого Хосров-Бека, заметили, как близко подошел Вардан к Беку и что в руках у него был обнаженный кинжал, готовый к удару в спину. Сам же Вардан продолжал заворожено смотреть на боковую дверь – в след Эрикназ...

Только голос Авака заставил его очнуться.

- Вардан, проводи Бека. Пусть осмотрит ковры.

* * *

- Что он сделал, дедушка Вардан? – спросила я в полном недоумении.

- Кто? – переспросил Вардан.

- Мой род.

- Да-а, твой род. Пойдем, я тебе покажу.

Но мы сначала никуда не пошли. Просто мы повернулись вправо совсем чуть-чуть. Он пальцем показал на то место, выше деревни, которое селяне называли странным словом – Гядук.

- Хосров-бек, детка, остановился с войском вон там – в Гядуке. А я притаился недалеко – в кустах, вон за теми большими серыми камнями. Было хорошо слышно и видно. Я прицелился в него и держал его на прицеле все время, пока твоя прабабка говорила с ним.

* * *

Была осень смутного 1918 года. Тяжелые, почти черные, тучи висели в те дни над городом Шуши. Турки установили несколько виселиц на центральной площади города сразу же после ввода войск – для устрашения населения. Первым был повешен бакалейщик, лавка которого стояла прямо на этой площади, напротив виселиц. Повесили его по надуманному обвинению, якобы за сокрытие от турецких офицеров табака. Потом казнили ветеринара – за отказ осмотреть коней. В городе началась паника. Турки блокировали город. Прекратилось снабжение продуктами из ближайших сел. Возникла

угроза голода. Воодушевленные поддержкой оккупационных военных властей местные татары, да и регулярные войска тоже, начали грабить армян и бесчинствовать. Полиция как таковая была распущена. За поддержкой и справедливостью люди по привычке приходили к дому Авака. Эрикназ старалась никому не отказывать в поддержке. Особую заботу проявляла она к сиротам и беженцам из Западной Армении. Она по их рассказам уже представляла, что будут делать турки. Начались массовые аресты интеллигенции и членов городской думы. Мэра города они пока не арестовали. Через него вели переговоры с армянскими ополченцами о сдаче оружия и прекращении сопротивления. Главным аргументом в переговорах с турецкой стороны была жестокость обращения с оказавшимися в положении заложников жителями города и беженцами.

К полудню четвертого дня оккупации в центре города была заметна какая-то активность турок. Со стороны площади доносился душераздирающий вопль и громкий плач женщин и детей. Наконец-то прибежал Вардан, принес вести с центральной площади.

- Ага, Поладов приказал поставить на площади двенадцать новых виселиц.

- Кого хочет повесить?

- Двенадцать учителей.

- За что? – вырвалось у Авака.

- Не знаю. Его аскеры выгоняют людей из домов, чтобы смотрели. За неподчинение убивают на месте.

Авак посмотрел на мэра, зашедшего к другу рассказать об убийстве соседа – редактора русскоязычной газеты.

- Как же вы позволили им войти в город? – от незнания, что предпринять с укоризной сказал Авак.

- Ты же знаешь, они бомбили Чартар. Уничтожили бы все село полностью. И потом, мы договорились, что войдут 1000 аскеров. Они ввели 2000.

- Наверно больше не смогли – аскеров не хватило. – Грустно усмехнулся Авак.

- Мы договорились, что разместятся они в турецком квартале, а они заняли все армянские школы, больницу и ...

- Так, ладно. – Прервал его Авак. – Пойдем к командующему. Попытаемся остановить Поладова.

- В любом случае нужно вывести детей из города. Турки, наверное, скоро нападут на наш дом. Удивительно, что до сих пор еще не напали. – Обратился он к жене. – Все, что есть у нас на складе из продовольствия и одежды раздай беженцам. Попытаемся

договориться с командующим, чтобы хотя бы беженцам разрешили выйти из города. Вместе с ними вы тоже уходите в Мсмну. Переоденьтесь беженцами и смешайтесь с толпой.

- А ты?

- Я вас найду.

В кабинете командующего турецким оккупационным корпусом Халил-бея было тихо. Все трое присутствующих молча ждали. Хозяин угощал гостей чаем, который сам с удовольствием и попивал. Он провел успешные переговоры с этими глупыми, но богатыми армянами. Выгодно продал жизнь каких-то двенадцати учителей и дал возможность нищим, полуживым беженцам выйти из города.

«Все равно ж умрут на дороге в наступающие холода без теплой одежды, без еды и крова. А это хорошо, очень хорошо... не придется убирать трупы. Не будет холеры в городе» - думал Халил-бей. Он смотрел на этих хмурых седоволосых людей и делал в уме расчеты на будущее: «И за это ничтожное, в общем-то, дело эти дураки выложили 2000 золотом. А ведь, сколько еще можно выторговать... Война в Европе уже закончилась и скоро тут тоже, видимо, все закончится. В Стамбуле неразбериха – судят правительство. К тому же поговаривают о скором разделе Турции странами Антанты... Кто его знает, как дальше все сложится. Так почему не подзаработать, если они сами предлагают деньги. Правда, Хосров-бек обиделся. Но это дело поправимое. Но все-же, откуда и почему такое почтительное отношение к этому купцу у Хосров-бека? Надо это выяснить. Хотя он и не давал особого повода, но кто его знает этого полковника. Кому он служит? Определенно, нужно проверить его. Дадим еще ему возможность проявить себя».

Он налил себе еще чаю.

- Почему вы не пьете? Расслабьтесь господа. Ведь сделка состоялась. Я же удовлетворил вашу просьбу.

- Я торговый человек, Халил-бей. Сделку я считаю состоявшейся только тогда, когда получу свой товар. Иначе говоря, сделка закончится тогда, когда беженцы выйдут из города. А в наше беспокойное время все что угодно может произойти.

- А что может произойти? Кругом царит порядок. Мы же контролируем ситуацию в городе, не так ли господин мэр? – Он лицемерно посмотрел на мэра.

- Конечно, конечно – быстро, в полголоса, как бы стыдясь самого себя, проговорил мэр – старый уже человек, который казался еще более старым из-за чувства безвыходности своего положения. – Но хотелось бы больше порядка. Вот сегодня утром ваши аскеры напали на дом моего соседа, ограбили, убили хозяина, изнасиловали и

хозяйку, и двенадцатилетнюю дочь. Когда я подошел, они сказали, что выполняли приказ Хосров-бека – мол, есть сведения, что в доме хранится оружие и, что они оказали сопротивление. Ну, какое оружие может быть в доме редактора газеты и как, а главное, почему они должны были оказать сопротивление вооруженным солдатам?

- Очень хорошо, что вы мне об этом сказали, господин мэр. - Он перешел на официальный тон. - Мы обязательно...

В этот момент вошел офицер и доложил:

- Прибыл слуга Авака-эфенди.

- Зовите сюда. – Халил-бей сразу перешел к более важному как бы делу, тем самым подчеркивая незначительность этого инцидента. К тому же, не хотелось давать обещаний, которые, конечно же, не будут выполнены.

Вошел Вардан и двое солдат с ним. Вардан обратился к Аваку:

- Ага, я принес.

Командующий приказал выйти своим подчиненным. Потом посмотрел на Вардана. Тот не сдвинулся с места. Авак понял, что Халил-бей не хочет иметь лишних свидетелей получения взятки. Он незаметным знаком отдал приказание и Вардан учтиво поклонившись, вышел, что оставило некоторое впечатление на Халила-бея.

- Как мы и договорились, получите сейчас тысячу золотых. – Сказал Авак и еще раз повторил, для большей четкости, условия сделки.

- Это за учителей и задаток за беженцев. Через два дня – когда из города уйдут последние беженцы, я принесу вам вторую тысячу. И будем считать, что сделка закончена.

Командующий, довольный сделкой и видом золотых монет, потирал толстую шею. И тут его пронзила мысль: «А вдруг эти грязные богачи, эти хитрые гяуры убегут вместе с беженцами. Надо им что-то пообещать.

- Да, будем считать, что эта сделка закончилась. – Он сделал особый упор на слове «эта». Тем самым давая понять, что он не прочь продолжить столь приятное сотрудничество. Тем более, что он ничего против своих государственных интересов не делает. «Все равно всем им скоро конец». – Думал он.

- Дорогой Авак-ага, я вот что хотел вам сказать. Слушайте. Я приставлю к вашему дому специальный караул-охрану. Чтобы не было никаких случайных поползновений со стороны разбойников, называющих себя ополченцами.

Авак понял, что речь идет о домашнем аресте. И в любой момент охрана может и убить и ограбить и это сойдет им с рук.

- Не стоит беспокоиться о моей скромной персоне и отвлекать ваших солдат от выполнения серьезных военных задач. Ополченцы не нападают на армян, тем более на безоружных. А мое оружие это мои деньги. А им это оружие не нужно. Они могут напасть на ваш склад с целью изъять оружие. Так что ваши небольшие силы лучше использовать для усиления охраны своих складов оружия, например, в доме Хосров-бека.

Этими словами Авак закончил разговор и, делано по-дружески похлопав по плечу, удивленного его осведомленностью, Халил-бея, вышел из кабинета. С ним хотел выйти и мэр, но командующий предложил ему остаться и обсудить очередной отрицательный ответ очередного съезда армян Карабаха на ультиматум турецкого командования о прекращении вооруженного сопротивления оккупационным властям.

- Мы вынуждены будем применить силу для умирения этих упрямцев. – Это были последние слова, услышанные Аваком в кабинете командующего.

К вечеру в доме Авака было все готово к немедленному и тайному уходу. Ждали Авака. Эрикназ все сделала так, как велел муж. Были розданы все продовольствие и вся имеющаяся в доме и магазине одежда. Кроме того, Эрикназ на шею каждого из своих внуков повесила и спрятала под одежду мешочек с золотыми монетами, на случай если в дороге они вдруг потеряются. Потом объяснила, как надо пользоваться монетами, на что их надо менять. Каждому ребенку отдельно она говорила и повторяла несколько раз:

- Мы из рода Гспаренц Авака. Наш дом в деревне Мсмна. Мы идем туда. Запомните это. Если вы потеряетесь и у вас спросят кто вы такие, вы скажите им именно эти слова. Понятно?

Потом заставила каждого повторить эти слова. Детям передалось чувство опасности – никогда прежде бабушка с ними таким серьезным тоном не говорила – и они послушно повторяли по несколько раз

- Мы из рода Гспаренц Авака. Наш дом в деревне Мсмна. Мы идем туда.

Эрикназ рассчитывала на то, что за пределами Шуши турок нет, а любой человек, услышав имя Авака, хотя бы из побуждений получить деньги за спасение ребенка приведет его в Мсмну.

Весть о том, что турки разрешили беженцам выйти из города, в мгновение ока разошлась по всему Шуши. Число беженцев в городе было примерно пять-шесть тысяч человек. В тот же вечер большинство беженцев двинулась из города в деревни. Это было ужасное зрелище. Толпа из тысячи нищих – полуодетых, полуголодных детей и женщин, стариков и потерявших мужество мужчин двигалась по улицам Шуши.

Темнело, когда толпа плачущих и причитающих беженцев проходила мимо церкви. Прислуга сообщила Эрикназу, что с беженцами пришел и Авак.

- Эрикназ, – зайдя в комнату сухо, по-деловому обратился он к жене, – Все готово, дети готовы?

- Да, все сделано.- Эрикназ еще раз посмотрела на внуков и на все семейство, на несколько узелков в дорогу с едой, теплой одеждой и предметами первой необходимости.

- Из прислуги кто идет с вами? – не дожидаясь ответа, он обратился к сыну, - Амирбар, ты идешь с ними в Мсмну,

- Как скажешь, отец.

- Оружие при тебе?

- Да.

- Вардан остается со мной.

- Да, Ага.

- Будешь держать связь. Пойдешь сейчас с ними. Как пройдете Каринтак, отстанешь от толпы (в толпе не иди в обратном направлении) и незаметно вернешься.

- Эрикназ, кто из прислуги может остаться? – Он посмотрел на прислугу, которая собралась здесь – в гостиной. – Нужно оставить впечатление, что дом живет обычной жизнью.

Из прислуги и работников магазина, по решению Эрикназа, остались те, кто жили в Шуши. Те, кто были из близлежащих деревень и жили в доме Авака ушли вместе с ними – кто в свою родную деревню, по собственному желанию, а кто с ними в Мсмну. Что будет в дороге одному Богу известно.

- Амирбар и Вардан, пойдете в кабинет. Я вам дам еще патронов.

Все трое прошли в кабинет. Авак тщательно закрыл за собой дверь и тихо спросил:

- Закопали? Сказали матери – что и где?

- Да отец. В двух местах закопали – под большим орехом (для отвода глаз) и в подвале.

- Здесь сколько оставили?

- Тысяча пятьсот штук, отец. Он сказал это настолько тихо, что пришлось еще и пальцами это показать.

- Это кроме того, что я должен дать турку?

- Нет, отец. Это все деньги, которые мы оставили в кабинете.

Авак остался недовольным небольшой суммой оставленной ему. На все про все – пятьсот золотых. Но что было делать. Времени не было на обсуждение и на исправление ошибки. Тем более, что у него было еще несколько тысяч припрятано, как говорится «на

черный день». Он словно предчувствовал, что будут дни и «почерней» этого. Одно слово – раскулачивание. Поэтому он сухо сказал:

- Хорошо. Возьмите. Это лучшие немецкие пистолеты. Они маленькие, их можно спрятать в сапоге, но очень хорошо стреляют. А это патроны к ним.

- А себе ты оставил, Ага?

- Да, оставил. Ну, пошли.

Ударил молния, осветив на мгновение-другое дорогу, по которой все дальше и дальше уходила огромная толпа беженцев от захваченного и оскверненного турками прекрасного города Шуши. Вместе с ними шла по мокрой от осенних дождей, темной, лесной дороге и семья Гспаренц Авака. Эрикназ машинально посмотрела на небо. Казалось, тяжелые тучи касались верхушек вековых деревьев. Прогремел гром.

- Скоро начнется ливень. Амирбар, нужно найти место для укрытия.

- Да Эрик. – Амирбар почему-то обращался к матери по имени.

- Все-таки среди турок тоже есть люди. - Вполголоса сказал тощий бородатый мужчина, из беженцев, примостившись к группе людей, сидевших под покрывалом, подвешенным Амирбаром для защиты от дождя.

Сидевшие в кругу люди, безучастно посмотрела на этого человека. Все были сильно уставшие. Никому не хотелось говорить. Каждый, молча, жевал то, что ему перепало в ту ночь от Бога, и думал видимо о чем-то своем – было ведь о чем. Эрикназ протянула ему кусок кавурмы¹, завернутый в лаваш. В свете тускло горевшей лампы она заметила, насколько этот человек был похож на Иисуса Христа.

- О чем ты, братец? - спросила она.

- Спасибо, сестрица. Храни тебя Бог. Что бы мы делали без тебя...? – Он с благодарностью принял еду, которой Эрикназ делилась со всеми, кто подходил к ним. – Я говорю, даже среди турок есть добрые люди.

- Все они звери. – Сразу же страстно возразила ему женщина, укачивающая грудного ребенка, хотя тот уже давно спал.

- Турок – это турок. Что еще тут рассуждать – добрый-злой, хороший-плохой? – добавил седой, истощенный старик.

- Я тоже так думал, но вот посмотри. Вот Поладов хотел учителей повесить, а Халил-бей освободил. Аскеры нас за людей не считали, а командующий разрешил нам выйти из города. Разве можно это отрицать?

¹ Специально приготовленное и долго хранимое в глиняных кувшинах мясо.

- Это не Халил-бей освободил учителей, – выпалил возмущенный Амирбар – и не он дал возможность нам уйти. Это сде...

- Не важно, Амирбар, кто это сделал. – властным, нетерпящим возражения голосом прервала его Эрикназ. - Наверно у командующего были веские причины на то. Это какая ни будь военная хитрость. Видимо он хотел, чтобы беженцы своими рассказами посеяли панику в селах и устроили бы ополченцев.

- А учителей, почему освободил? – не унимался бородач.

- Ну а учителей он освободил, наверно, чтобы обмануть простаков. Мол, посмотрите какой я добрый и справедливый. – Эрикназ сделала паузу. Ее доводы показались весьма убедительными. Только Амирбар, знавший всю правду, чуть обиженно смотрел на мать. Но он знал, что Эрикназ просто так не прервала бы его и, вообще, она знает что делает.

- Турки наши враги, они бесчинствуют в наших городах и селах, убивают наших детей и стариков, насилуют женщин и девушек, грабят наши дома. Они не видят перед собой силы. Они не видят сопротивления. – Она сделала еще одну паузу.

- Только в Сасуне, Ване, Сардарапате и Баш-Апаране они почувствовали настоящее сопротивление. Поэтому стали побаиваться нас и чуть-чуть стали уважать. – Эрикназ снова обратилась к бородатому мужчине.

- Как тебя зовут братец? Откуда ты родом?

- Я из Муша. Зовут меня Аракел.

- Аракел, братец, почему ты здесь – с нами? Твое место в ополчении. Ты можешь держать оружие?

- Да могу, но никогда не держал. Я в Муше был учителем.

Эрикназ достала пистолет из кошелки. Этому удивился даже Амирбар. Эрикназ повторила слова, сказанные ей Аваком.

- Это лучший немецкий пистолет. Он маленький, но очень хорошо стреляет. Возьми его и иди к ополченцам. Там сейчас место каждого мужчины-армянина. Амирбар, - обратилась она к сыну, - проведешь Аракела и других добровольцев к Лалаяну в отряд.

- Хорошо, Эрик.

- Сестрица, тебя Эрикназ зовут? Не жена ли ты Ага-Авака? – Эрикназ утвердительно кивнула. Учитель из Муша не очень уверенно взял в руки пистолет, стал внимательно его осматривать и продолжил, - Я слышал, что ты раздавала беженцам еду и одежду из вашего магазина. Но чтобы оружие...

- Зимой человеку нужна теплая одежда – мы доставляем ее в Шуши. Летом нужны вилы и серп – мы доставляем этот товар. Ну а сейчас война и нам нужно иметь оружие, а не плуг. – Эрикназ пристально посмотрела на Аракела и продолжила,

- Надо действовать, надо воевать – защищаться, стрелять во врага, а не рассуждать попусту – он хороший или плохой.

Эрикназ сделала долгую паузу. Ее зажигательная речь воодушевила даже женщин. Все как будто выпрямили спины, сгорбившиеся от выпавших на их долю непомерных испытаний. А изможденный старик, сидевший с ними, казалось, помолодел. Он собрал уже всю свою волю, он хотел было попросить у этой прекрасной смелой женщины оружие и для себя. Но тут Эрикназ поднялась и сказала.

- Светает и дождь прекратился. Пора в дорогу.

* * *

- Дедушка Вардан, а почему она с ним говорила.

- Потому, детка, что Авак-Ага остался в то время в Шуши. Он отвлекал внимание турок на себя. Понимаешь, детка?

- Нет, ничего не понимаю. – Честно призналась я. – Что за войско остановилось в Гядуке?

- Я выведал об этом войске у Эйбатова. Он зашел в наш магазин. Я тогда жил в вашем доме, знаешь?

- Да, дедушка Амирбар мне рассказывал.

- Так вот. Гейбатов зашел к нам купить новое седло. Сёдла вообще дорого стоят. А этот подлец купил самое дорогое, выплатив – около тридцати рублей серебром. В Шуши в то время был голод, понимаешь, турки были в городе. Никто из армян ничего кроме еды не покупал. Хотя в магазине у нас почти ничего из еды и не осталось – все мы раздали беженцам. – Здесь он замолчал. Посмотрел на небо. Мне показалось, он что-то проговорил очень тихо, почти про себя. Потом слышно произнес: «Жаркий будет день сегодня», – взял меня за руку и мы пошли в сторону родника – к центру деревни. Он выпил воды и сказал: «Да будут благословенны твои предки, Авак-Ага. Человек провел воду не к своему дому, а к центру деревни, чтобы все на равных пользовались. Да-а, вот человек, что называется Человек».

* * *

Вардан принес самое дорогое седло из тех, что были на складе. Он, конечно, был рад, что в столь трудное время, когда объемы продаж сильно упали и собственно магазин

был полупустой, продается дорогой товар. (Авак-ага учил его никогда не рассуждать, тем более, вслух, о том, на что тратит покупатель собственные деньги и откуда эти деньги у него – главное продать товар.) Но с другой стороны, в столь беспокойное время, в голову лезли крамольные мысли, подобным которым он никогда раньше не давал волю: «Как же это понимать? С какой стати на казенную зарплату егеря покупать дорогое седло? Особенно когда в городе туго с едой». Все это ему показалось довольно странным, и он решил разговорить Эйбатова.

Вардан его хорошо знал, поскольку тот родом был из деревни Агорты, что рядом с Мсмной – просто рукой подать и был с ним на короткой ноге.

- Слушай, Нерсес, - спросил он у Эйбатова, - а на что тебе новое седло-то? Что, старое совсем истерлось-износилось, да?

- Да знаешь, Поладов предложил мне, как лучшему знатоку здешних мест – дорог и троп, сопровождать его отряд в Карягино.

- Ладно тебе, а то он не знает дорогу Молла Насреддин. Она ж по реке Варанда прямо ведет на Карягино.

- Да вот выходит, что не знает, выходит, что я им нужен – раз дал мне нового коня и такую сумму на снаряжение.

- Может так оно и есть, - задумчиво сказал Вардан, а потом, как бы о чем-то догадавшись спросил, - Слушай Нерсес, а может он просто обманул тебя, сказав, что идет на Карягино. То есть он пустил такой слух, а?

Только тут Нерсес Эйбатов понял в какое дерьмо вляпался, приняв предложение Поладова. И уже стал говорить более осторожно.

- Не знаю, может быть. Я там маленький человек. Я на государственной службе – это часть моей работы. Понимаешь?

- Ладно-ладно, взялся за работу – так делай ее. А отряд-то хоть большой – сто^оящий?

- Да вот, не знаю, мне не говорили. Завтра увидишь. Утром выходим.

Этой ночью Авак отправил Вардана в соседние села, что по дороге на Карягино, предупредить об этом.

Карательный отряд регулярной турецкой армии, под командованием, перешедшего на сторону оккупантов Хосров-бека Поладова, двигался в сторону Карягино. Этот поход был частью операции, разработанной Халил-беем и имел целью, зверски уничтожая все деревни на своем пути, сломать дух и сопротивление армянских крестьян-ополченцев и заставить их признать власть созданного в мае того же 1918-го года искусственного

государственного образования под странным для тех времен названием – Азербайджанская республика.

Отряд прошел уже примерно четверть пути по направлению к Карягино, когда Поладов созвал офицеров и сообщил им, что в соответствии с полученным устным указанием от Халил-бея отряд отклонится с прямого пути на Карягино. Целью является деревня Чартар, где, по данным разведки, находится крупное соединение ополченцев.

- Они вооружены охотничьими ружьями и не имеют артиллерии, а у нас две горные пушки. Так что мы легко их разобьем, – заявил он в конце своей речи. Потом вызвал к себе Эйбатова и, хотя раньше всегда говорил с ним по-турецки (на местном диалекте), на этот раз, почему то спросил его по-армянски:

- Հո՞ւնք քինանք Մամնա շէնը:

Нерсеса это немного удивило и он счел это как начало особо доверительных отношений между ним и Поладовым. Поэтому несколько вольно сказал тоже по-армянски:

- Պարոն Փոլադով, քա աաալքք ճարտարի կողմն ենք քինում:

- Ավելորդ հարցեր տամ մեր - строго сказал Эйбатов и чуть погодя, уже другим тоном, добавил, - Կարծեմ Մամնայով ճանապարհ կա դեպի ճարտար:

- Հա, կա: Հաղորտիով ու Ղավախանով տյուս ա կյամ ճարտարի էն մի կողմը՝ Կարյազինյի ճանապարհից քիչ հեռու:

Поладов обратился к командирам своего войска:

- Этот человек говорит, что может вывести нас в тыл ополченцев, укрепившихся на дороге Чартар – Корягино. Нас они ждут с этой стороны – со стороны Шуши. Выйдя им в тыл, используя фактор неожиданности, мы с наименьшими потерями разобьем армян, возьмем сильно укрепленное большое село Чартар и тем самым деморализуем ополченцев в других районах Карабаха.

- Բայց պարոն Փոլադով, մինչև Մամնա երկու շէն կա, մունք վեր անց ենք կյալու տրանց միջով, լուրերը տարածվելու են Ղարաբաղով ու տա հանկարծակի չի ըլի:

- Խոսիր միայն այն ժամանակ, երբ քեզ կհարցնեն: Հասկանալի՞ է:

- Հա, հրկայցա: Բայց մի խնդրանք ունեն: Հաղորտի մտնենք վեչ, լի՛, տա մեր շենն ա: Հերս, մերս շենում ըն, պա ես իրանց հի՞նչ ասիմ, հի՞նչ ա լինելու իրանց հետ:

- Դե եթե ասիս, վեր մեզ օգնին, մունք էլ չենք վնասի իրանց:²

² Но господин Поладов, до Мсмны несколько сел есть. Если мы пройдем через эти села, слух распространится по всему Карабаху и это не будет неожиданным.

- Говори только тогда, когда тебя спрошу о чем-то. Понятно?

Нерсес Эйбатов еще не полностью осознавал, что на самом деле означали последние слова Хосров-бека. Очень скоро – в первой же деревне – он стал очевидцем того, как умеют турецкие аскеры «воевать».

Деревня была небольшой и сдалась без боя – в надежде на то, что это регулярное войско, а не разбойники-хачаги. Люди в деревне думали, что коль войско сопровождает армянин (об этом им сказал Вардан) – он не даст их в обиду. «Собственно, а что мы туркам сделали такого-плохого» - думали они. Люди не поверили беженцу из Муша по имени Аракел, который несколько дней как появился в деревне и рассказывал им всякие ужасные истории, как им казалось, небылицы лишь для того, чтобы вызвать у них жалость и получить кусок хлеба и молока. Сероб, хозяин единственного в деревне магазина, сетовал, что эти бунтовщики испортят отношения армян и турок, а потом откуда и как привозить товар непонятно – кругом ведь турки. А жить-то надо... А как?

Он первым догадался, что Аракел связан с этими бунтовщиками-ополченцами и подговаривает молодежь в деревне стать фидаинами. К тому времени, когда Поладов привел турецкое войско к деревне, усилиями Сероба и его друга – сельского старосты Рубена, Аракела и подружившегося с ним старого учителя, а вместе с ними и нескольких молодых людей, попавших под их влияние и невесть откуда добывших несколько ружей Мосина, прогнали из деревни. Сероб хорошо знал Эйбатова и был слегка знаком с Хосров-беком – в Шуши он даже дважды здоровался с ним. Селянам он говорил и, в общем, убедил всех в том, что сможет договориться с турками и те обойдут деревню.

Когда разведка донесла, что группа людей идет навстречу войску, Поладов вызвал к себе Нерсеса:

- Кто эти люди, - спросил он по-турецки, когда те появились из-за скалы, но были еще далеко.

- Это сельский староста Сетракенц Рубен, рядом с ним лавочник Сероб, а остальных не припомню - это старые, уважаемые в деревне люди.

- Будешь переводчиком, - приказал Хосров-бек.

По знаку Поладова войско остановилось в двадцати метрах от пешей армянской делегации, тоже остановившейся посреди дороги. Хосров-бек Поладов, два турецких офицера и Нерсес Эйбатов выдвинулись и почти вплотную подошли к сельскому старосте. У него в руках в позе дарителя была сабля в ножнах.

- Да, понятно. У меня к вам просьба. Не надо входить в Агорты. Это наша деревня... Мои родители сейчас там. Что я им скажут? Что с ними будет?

- Ну если ты сможешь их убедить оказать нам содействие, то мы им не причиним вреда.

Хосров-бек демонстративно обратился к Эйбатову и сказал по-турецки нарочито официальным тоном:

- Спроси, кто эти люди и что им нужно?

- İbnurruḡ-ḡbīḡ ḡḡḡḡḡḡ ḡ. §ḡḡḡḡ ḡḡ, ḡḡḡḡ ḡḡ ḡḡḡḡḡ!©

Не успел староста что-то сказать, как Сероб с кривой улыбкой на лице вышел вперед и сказал:

- Дорогой Хосров-бек, на что нам переводчик? Мы же с вами знакомы и всегда говорили на одном языке – на турецком.

С этими словами Сероб подошел к Поладову и взял его коня за узду. Хосров-бек побагровел от ярости.

- Кто ты такой, собака-гявур, чтобы быть со мной знаком и говорить со мной на одном языке? Ты не знаешь нашего языка. Вот он – наш язык. – Крикнул Поладов.

Блеснула кривая сабля Поладова. В мгновение ока голова Сероба была отрублена. Окровавленное тело его качнулось и упало в конвульсиях. Не успел староста Рубен очнуться от увиденного, как его сбила с ног огромная лошадь Поладова. Хосров-бек зарубил ятаганом еще одного человека – старика Овакима и с каким-то звериным криком полетел к деревне. За ним, растоптав под копытами несчастных стариков и старосту, поскакала вся турецкая армия.

Лошадь сама понесла Нерсеса вместе с армией. Он чуть не сошел с ума, когда воочию увидел, как турки убивают, или заживо сжигают безоружных людей, с каким наслаждением они смотрят на пролитую детскую кровь, с каким животным остервенением они насилуют женщин и девушек. Потрясенный увиденным – едва державшийся в седле, он наблюдал, как насытивши животные-звериные инстинкты, они вдруг вспоминают, что все таки являются «людьми» и по-своему – по-турецки – начинают заниматься единственным видом человеческой деятельности, на которое они способны и которое они хорошо освоили издревле. Эйбатов увидел, как мастерски турки грабят и мародерствуют...

Ведь были десятки, даже сотни, лет «упорного оттачивания мастерства» в Западной Армении. И эти годы явно не прошли даром.

* * *

- Дедушка Вардан, так что за войско остановилось в Гядуке?

- Турецкое войско, детка. Их было примерно 400 человек. Эти звери уничтожили две деревни на пути к Мсмне. Хотя, детка, я этих селян предупредил о наступлении турок. Но мне не поверили, понимаешь. Не поверили. Я им сказал, что нужно уходить в горы, в леса. Турки туда не сунутся. Они страшно боятся ополченцев. Понимаешь детка, они много награбили, каждый стал относительно богатым и поэтому никто из них не хотел рисковать жизнью. Каждому из них хотелось донести награбленное домой и зажить безбедно. А селяне мне не поверили, сказали, что прогнали фидаинов из деревни и ты, сказали, уходи. Мы найдем язык с турками. Мы с ними торговали, говорят. Жили в мире, говорят. А вот эти фидаины, говорят, приходят, мутят воду...

- И что дедушка, так и прогнали тебя? А что с ними произошло?

- Всех убили. Спаслись только несколько человек. Они убежали и лесными тропами пришли в соседнюю деревню, а потом и в Мсмну. Рассказали обо всем, что произошло с ними. Все, кто поверили им и ушли в горы, те спаслись. Оставшиеся были зверски замучены и убиты.

- После этого турки подошли к Мсмне?

- Именно так. Очередь была за Мсмной. Бежавшие из этих деревень в истерике рассказывали нам об убитых стариках и заживо сожженных детях. Знаешь, они рассказывали, как турки орал: «Мы любим армянский шашлык» и бросали детей в огонь. Понимаешь, детка, это не люди, это звери. Нет, это хуже зверей, намного хуже – это турки.

Тут он надолго замолчал. У него в глазах блеснули слезы. Он отвернулся и, как ему казалось, незаметно для меня вытер слезу. Наконец он снова заговорил.

- Спасшиеся люди говорили, что надо уходить, что другого спасения нет, нет силы, способной остановить турок. Знаешь, я тоже сказал Эрикназ, что надо уходить в горы, в леса и тропами выйти к ополченцам. Это был, по моему, единственный путь к спасению. Но она решила иначе...

* * *

Эрикназ внимательно выслушала людей. Нельзя было сказать, что она была так уж спокойна внешне, но паники, по крайней мере, в ее глазах не было. Она успокоила спасшихся из «ада» людей благой ложью:

- Наша деревня вооружена, поэтому мы будем защищаться. Мы их задержим. А вы уходите дальше. Дойдите до ополченцев. Нам нужна будет их помощь. Мы на вас надеемся. Поторопитесь.

Воодушевленные чувством собственной необходимости и потому чуть обретшие крепость духа и ясность ума, люди ушли. Амирбар и Вардан молча, в недоумении, смотрели на Эрикназ, как бы прося ее объяснить, как она собирается защищаться и почему она сказала, что селяне вооружены.

- Он идет сюда из-за меня, – неожиданно заявила Эрикназ. – Хочет оставить на меня впечатление – показать свою силу и значимость и тем самым покорить меня...

Несколько секунд помолчав, добавила:

- Что ж, я выйду к нему одна и поговорю.

- Ни в коем случае, Эрик, - страстно вскрикнул Амирбар.

- Он же сразу тебя убьет, ханум. – более рассудительным тоном сказал Вардан.

- Поймите, дети, он будет преследовать меня и будут новые разрушения, много убитых людей. И, потом, он подумает, что я испугалась его...

В этот момент вошел Аветис – сын сельского старосты. Глаза его выдавали внутреннее беспокойство и растерянность. Он был ровесником Вардана и был дружен с ним. Никогда раньше Вардан не видел таким растерянным сильного, смелого и всегда самоуверенного Ветиса (так с детства Вардан в шутку его называл и это имя за ним закрепилось). Увидев Вардана, Ветис искренне обрадовался, но растерянность не слетела с его лица. Он делано улыбнулся:

- Привет, Вардан-джан. Как ты здесь оказался? Мне сказали – ты в Шуши.

- Привет, дорогой. – Они обнялись. – Да вот пришел с плохой вестью о турках.

- Да, знаю. Эрикназ-ханум, отец послал меня за вами. Хочет посоветоваться с вами.

Что будем делать?

- А ты что думаешь, Аветис?- Спросила Эрикназ.

- Я считаю, что надо драться. Но как? Оружия не хватит.

- Молодец. Правильно считаешь. Надо доставать оружие и людей. Нельзя терять ни минуты. Прямо сейчас, Вардан и Аветис, соберите всех ребят в деревне. Амирбар, выдай всем им лошадей. Пусть скачут в близкие и далекие села – созовут-соберут всех, у кого ружья и кто умеет стрелять. Если наберем пятьдесят-шестьдесят ружей – уже будет хорошо. Специально кого-нибудь отправь в Гадрут к Лалаяну и в Варанду к Мелик-Шахназарову. Пусть отправят своих ополченцев нам на подмогу. Пусть скажут, что у нас есть план – мы хотим окружить и уничтожить турок. Давайте ребята, быстро. А я пойду к вам домой, обсудим с твоим отцом план действий.

В деревне уже царил паника. Люди собрались у стоящих рядом домов самых богатых в деревне людей – Ага-Авага и старосты Сейрана. Ветис сразу же приступил к мобилизации молодежи. Сказал народу, что ими решено оборонять село и что нужны гонцы в соседние села для подмоги. Вардан и Амирбар пошли за лошадьми. А Эрикназ скромно и незаметно прошла к дому старосты Сейрана.

Совещание в доме старосты длилось недолго и уже почти закончилось, когда в комнату вошли двое вооруженных людей. Пока они осмотрелись, Вардан и Амирбар уже достали пистолеты, и уже направились было на незнакомцев, когда один из них, сняв папаху, таронским говором сказал:

- Мир вашему дому. Кто из вас староста Сейран?

- Аракел, братец это ты? – Эрикназ узнала учителя из Муша.

- Эрикназ, сестрица, это ты? Кого же еще, если не тебя я должен был встретить здесь? Амирбар, брат мой, ты тоже здесь?

- Да, Аракел. А кто это с тобой?

- Это Асланик Мурадханян – заместитель Лалаяна. Мы привели с собой двадцать бойцов.

Их пригласили сесть. Амирбар спрятал пистолет в кобуру, Вардан положил на колени – на всякий случай.

- А мы отправили людей в соседние деревни собирать ополчение.

- Кто из вас староста Сейран? – Спросил Асланик и посмотрел на самого старшего из собравшихся людей. По осанке и манере держаться он догадался, что это и есть староста.

- У вас есть план обороны села? – спросил Асланик деловито.

- Да, есть. – Сказал Сейран и посмотрел на Эрикназ.

- Примерно через два часа турки подойдут к селу. – Спокойно сказала Эрикназ. – Я знаю их командира. Он был вхож в наш дом и магазин в Шуши. И уважал нашу семью, по крайней мере, тогда. Поэтому попытаюсь с ним договориться. Эрикназ сделала паузу, чтобы убедиться, что сказанное правильно воспринимается Аслаником.

- Вы и с вами несколько наших ребят (сколько охотничьих ружей и пистолетов наберется в деревне) должны устроиться в лесу, вдоль дороги. Там, где самое узкое место и всегда непроходимая грязь, особенно сейчас. Ветис, – она показала на него, – вас проведет туда. – Она снова сделала паузу. Ветис и Асланик обменялись взглядами. Что-то в Асланике не понравилось Ветису. Слишком он был горд возложенной на него миссией и слишком красовался в своей одежде фидаина.

- Если турки меня убьют и пойдут на деревню, вы должны вступить с ними в бой и задержать их на столько, чтобы люди смогли уйти из села в горы и в леса. Ясен план? Понятна ваша задача?

- Да, понятна. А что если удастся договориться с турками?

- Об этом Аветис тебе расскажет потом, если останемся в живых. – Эрикназ встала, давая понять, что обсуждение закончено.

* * *

- Она пошла одна. Понимаешь, совсем одна – без какого либо сопровождения. Только взяла с собой что-то, завернутое в зеленую шаль. Сказала, что это подарок Беку. Я пошел лесными тропами и незаметно залег вон за теми серыми камнями в Гядуке. Когда подошла Эрикназ, Хосров-бек чуть пришпорил своего гнедого коня и медленно выдвинулся вперед. Двинулись было вперед двое из турецких офицеров и Нерсес Эйбатов, но Поладов знаком пресек их движение. Он двигался вперед все ближе и ближе, а Эрикназ стояла и ждала. В руках у нее был загадочный подарок. Я никак не мог разглядеть или хотя бы догадаться, что это такое. Она держала это так, как держат хлеб-соль. Движение Поладова к Эрикназ длилось целую вечность. Казалось, этому не будет конца. Я держал его на прицеле. Я чувствовал, как немеет от напряжения моя рука. – Он снова замолчал. Я заметила, как дернулась его рука. Он заново переживал все эти события. Я подождала пока он сам придет в себя и потом очень тихо спросила:

- Дедушка Вардан, а что дальше было?

- Он остановил своего коня в метре от Эрикназ. Они, молча, смотрели друг на друга столь же долго сколь и предыдущее действие этого необычного театрального представления. Наконец Бек заговорил. «Приветствую тебя, достопочтенная Эрикназ», - сказал он по-армянски и продолжил: «Что это у тебя в руках?» Турецкие офицеры, близко стоящие к Эйбатову, стали тихо переговариваться с ним. Эрикназ заметила это и ответила, по-турецки, громче обычного: «Это самая ценная вещь в моем доме. Это древняя персидская рукопись двенадцатого века. Это газели о любви, вине и мудрости, написанные великим поэтом Омаром Хайймом. Эту книгу принес прадед моего мужа из Бухары. Это подарок эмира Бухарского. И сейчас, в наш беспокойный век, ты единственный из образованных мусульман, которому я могу доверить ее. Прошу принять эту книгу не как дар, а как завещание. Храни ее для будущих поколений, ибо она бесценна». С этими словами Эрикназ сделала полшага вперед и протянула книгу

Поладову. Ты знаешь, мне показалось, что у Поладова что-то внутри изменилось. А может это мне только показалось – на самом деле ничего с ним не произошло, но Хосров-бек спешился, подошел к Эрикназ и принял книгу из ее рук с глубоким почтением. «Благодарю тебя Великая Ханум. Ты воистину божественна. Попроси все, что захочешь. Я исполню». - Сказал он по-армянски.

Тут дедушка Вардан как-то с хитрецей посмотрел на меня и спросил:

- И как ты думаешь, что попросила твоя прабабушка?

- Ну-у, - протянула я. – наверно попросила увести войско.

- Правильно, милая моя. Все правильно – ты из этого рода. Яблоко от яблони далеко не падает. Твоя прабабушка действительно божественная женщина. Она ответила примерно также: «Мне ничего не надо. У меня все было, и все я видела в жизни. Я не буду у тебя ничего просить. Я хочу с тобой договориться». Хосров-Бек был удивлен: «Договориться? О чем?» Эрикназ все еще говорила по-турецки, громче обычного: «Село укреплено. Два часа назад в село пришел отряд ополченцев». Поладов сказал, что они знают об этом. Усмехнувшись, добавил: «Их всего-то двадцать два человека и половина из них вооружены охотничьими ружьями. Так что они не представляют особой опасности для нас». Но потом похвалил ее за правду и сделал широкое обобщение вроде того, что все вы, армяне, совсем не дипломатичны и не умеете хитрить и врать, даже когда дело касается вашей жизни. Но Эрикназ как бы не обратила внимание на его похвалу и на замечание, перешла на армянский и тихо – еле слышно сказала: «Скорее всего, ты сейчас на прицеле». Я похолодел. Откуда она узнала обо мне. Конечно, я и не допускал мысли о том, что она меня выдаст. Но мурашки пробежали по телу. После следующей фразы я понял, что это был блеф: «Будут стрелять отовсюду. Вокруг леса и горы. Уже темнеет. Твои солдаты устали. После стольких убийств и грабежей они деморализованы. Ты же профессиональный военный. Я думаю, ты уверен, что если убьют командира, то войско в таком состоянии просто разбежится под пулями. Подумай». Выражение благого самодовольства слетело с лица Поладова. Несколько секунд он молчал. Видимо прикидывал шансы. Доводы Эрикназ показались ему достаточно весомыми и он, наконец, спросил: «А что ты предлагаешь?» Эрикназ ответила незамедлительно: «Войско не входит в село». «Это невозможно, - отрезал Поладов, - мы идем на Чартар, и путь наш лежит через Мсмну. Другого пути нет и я не поверну назад». «Выслушай меня до конца. – Сказала Эрикназ спокойно, - Войско не входит в село. Оно на ночь остается здесь. Мы сейчас и утром накормим войско. А поутру будет туман, и я лично вам покажу короткий и незаметный путь, по горным тропам – через ущелья, в обход соседних сел – там тоже

ополченцы, который выведет вас прямо к Чартару. А там, как знаете – уже можно воевать».

- И что? Поладов согласился? – Спросила я.

- Не сразу. Некоторое время он думал. Он оценивал возможный риск. Тут Эрикназ добавила: «Офицерский состав мы приглашаем в село. Они разместятся в лучших домах. Ты знаешь меня. Меня уважают в селе и мое слово проходит. Ополченцев я отправлю в село Агорты. Скажу, чтобы они там укрепились. Безопасность войска и офицеров будет соблюдена неукоснительно. Слово за тобой. Решение твое». Поладов уже принял решение и сказал по-турецки: «Я верю тебе, Великая Ханум. Подожди. Я должен отдать необходимые приказания». Он снова сел на коня. «Эйбатов, - крикнул он, - уступи своего коня, великой ханум и сопроводи ее в село».

* * *

Всю ночь почти до утра аскеры пировали в Гядуке...

А в деревне Мсмна все, буквально все, что-то делали. Все село участвовало в осуществлении операции придуманной и продуманной на совещании в доме старосты. Каждый дом в деревне внес свой материальный вклад в обеспечение едой и питьем для четырехсот солдат. Эрикназ отдала под общее дело половину своего скота. Кто-то вола зарезал, кто-то несколько овец, а кто-то несколько куриц. Главное было накормить-напоить турок. В селе люди знали, что Эрикназ договорилась с турками, что село их накормит, и они никого не тронут и только утром пройдут через село и уйдут в относительно далекое большое – почти с город - село Чартар. Поэтому каждый старался, как мог. Старики говорили, что у Эрикназ такой язык, что она сумеет выманить и змею из норы. Недаром, мол, все в округе приходят к ней за справедливым решением. Женщины судачили о женских чарах Эрикназ, что, мол, ни один мужчина не может устоять перед ее чарами. И вообще, девушки этого рода всегда были красавицами, говорили пожилые женщины.

А в это время, в местечке Джратап, что в противоположной стороне от Гядука всю ночь собирались ополченцы. Их встречали Ветис, Вардан и Асланик.

Ветис встречал каждого вновь прибывшего ополченца, расспрашивал кто такой, из какой деревни и объяснял общий план предстоящей операции.

Асланик лично проверял каждое ружье, объяснял новичкам, как надо стрелять из него, показывал место дислокации каждого ополченца и говорил, в чем конкретно заключается его задача и как надо держаться во время боя.

Вардан стоял на единственной тропе, ведущей из Джратапа в село. Он пропускал в обе стороны только младшую – тринадцатилетнюю сестру Ветиса Вартитер и соседского мальчика по имени Армен, которые были связными между ним и Амирбаром. Сводки, передаваемые Вартитер и Арменом, касались в основном количества собравшихся ополченцев и ружей.

Амирбар находился в селе. Он переходил из дома в дом, где угощались турецкие офицеры и перебрасывался с ними несколькими фразами – следил за тем, чтобы атмосфера не накалялась ни в одном доме.

Другая группа молодых людей, местные ребята – из Мсмны, перебрасывала еду, вино и тутовую водку из деревни в Гядук, что было не менее, а может быть более опасно и ответственно. Как-никак они имели дело с пьяными вооруженными турками. В очень напряженной атмосфере любое непродуманное действие или слово или даже взгляд мог бы стать детонатором. Но волею божией ничего такого не произошло до самого утра.

Парни Асланика, под руководством мшечи Аракела всю ночь сидели в лесу – в засаде – охраняли дорогу из Гядука в Мсмну, на случай если турецкое войско взбунтуется. В каждом доме, где были турецкие офицеры, находились по двое фидаинов. У них был приказ – разоружить, арестовать и держать турецких офицеров в качестве заложников, на случай, если турецкое войско двинется на деревню.

Всю ночь Эрикназ руководила подготовкой еды и тайком осведомлялась у Амирбара ситуацией в Джратапе. Под утро количество собравшихся ополченцев достигло ста двадцати человек. «И еще двадцать фидаинов Асланика с Аракелом в лесу», - подумала Эрикназ и решила про себя: «Этого достаточно. Можно начинать»...

- Как порешили, так и поступили, детка. Всех накормили-напоили в эту ночь и утром тоже. Было еще темно – примерно шесть часов утра, когда я пришел в деревню, чтобы сказать Эрикназ, что все готово. Тут я сглазу на глаз встретился с Поладовым. Он, два офицера и Амирбар выходили из вашего дома. Турки были чуть пьяны и уставшие, но Поладов выглядел вполне свежо и был в хорошем расположении духа. Хосров-бек посмотрел на меня и с удивлением и язвительно сказал: «Вардан, ты здесь? Может Авак-ага тоже здесь?» Я хотел было что-то ответить, но он не удостоил меня большим

вниманием и двинулся к центру деревни и вместе с ним все остальные. Вдруг из темноты как бы из ничего появился человек. Это был гонец от Аракела.

- Дедушка Вардан, а кто такой Аракел?

Он не ответил мне. Он просто не услышал меня. Он перенесся в то время. Он был там, а не рядом со мной. Поэтому я решила больше его не перебивать.

- «Войско двинулось сюда. Что делать?», - сказал он очень тихо. «Незаметно, по лесу двигайтесь к деревне», - сказал я также тихо. Тот ушел так же, как и появился – он просто испарился в темноте.

Дедушка Вардан сделал маленькую паузу. А я ничего и не спрашивала. Я просто молчала и слушала.

- Откуда-то появился Эйбатов. Также тихо, как и гонец, он спросил: «Вы что-то затеяли?» Что было делать? Отрицать что-либо было невозможно. Маловероятно, что бы он что-то слышал, но возможно он многое видел. Я солгал настолько, насколько это было возможно. «Да. Ополченцы собираются в Агорты, Это ж твоя деревня, да? Собираются дать бой, если вы сунитесь туда», - сказал я максимально близко к тому, что обещала Эрикназ. «А ты-то тут причем?», - не унимался Эйбатов. «В каком смысле?», - прикинулся я дурачком. «Какое указание ты дал этому человеку?», - Эйбатов уточнил свой вопрос. «Слушай Нерсес, ты видимо много выпил, да, ночью. У тебя с головой что-то не в порядке. Видятся какие-то люди. Чертиков не видел?» «Издеваешься? Не доверяешь мне?» Тут я резко поменял тему разговора: «Слушай, Нерсес, после того, что увидел в этих селах, - я кивнул в сторону Гядука, - я бы на твоём месте убил бы Поладова, или, по крайней мере, ушел бы в леса к ополченцам». «Ты знаешь, сказал Нерсес задумчиво, - Сесть на осла позорно, слезть с него вдвойне позорней. И потом, он обещал много денег мне дать после похода». «Пулю в лоб он тебе даст после похода. Что, непонятно?» «Посмотрим», - сказал Нерсес и ушел в темень по направлению к центру деревни. «Ну, как знаешь. Я предупредил», шепотом крикнул я ему вдогонку и пошел за ним, чтобы перебраться с Амирбаром парой фраз о том, что все идет по плану и, что собралось сто двадцать человек и, что люди еще прибывают. Правда, ружья по большей части охотничьи. Когда я об этом говорил Амирбару, появились другие турецкие офицеры тоже. Хосров-бек отдал приказ одному из офицеров, чтобы войско вступило в деревню парадным строем по двое в ряду.

Светало, когда войско вступило в деревню. Я стоял рядом, ну чуть поодаль, и видел, как Эйбатов подошел к Поладову и что-то тихо сказал ему. В этот момент появилась Эрикназ вместе с женщинами. Все внимание Хосров-бека переключилось на Эрикназ и он рукой слегка оттолкнул Эйбатову. Женщины подошли и встали на почтительном

расстоянии от Поладова и его офицеров, рядом с которыми по какой-то иронии судьбы стояли и мы с Амирбаром. Недалеко от нас стояли старики и подростки. Поладов, выдержав некоторую паузу, и когда войско проходило через центр деревни, сказал: «Спасибо за угощение Великая Ханум и вас тоже благодарю женщины. Спасибо вам тоже старики. После войны это будет единственной армянской деревней в Карабахе». Поладов попытался понять, какое впечатление оставили его слова. У людей были каменные лица – ничего не выражавшие, кроме напряженного ожидания. Ему казалось, что селяне должны были быть на вершине счастья от его слов. Он видимо был разочарован тем, что это не так. Поэтому он перестал выступать и чуть подождя, подошел к Эрикназ и сказал ей: «Показывай нам путь Эрикназ-ханум».

Он взял меня за руку, и мы пошли по главной улице Мсмны, ведущей от центра в противоположный от Гядука конец деревни. Это место имело свое название – Калер. Мы прошли Калер и деревня закончилась. Перед нами открылась прекрасная панорама синих, сливающихся с небом гор, зеленых лесов и многоцветных полей. Дальше дорога сворачивало влево, и полого скатывалась вниз.

- Вот видишь, вот так прошло войско. Вот отсюда по этой дороге можно попасть в деревню Агорты, а дальше – в Гавахан. Но если свернуть с этой дороги вон за тем утесом, то можно через вот это вот поле (там есть узкая дорога, ну почти тропа) войдя в тот лесочек, выйти к обрыву. А оттуда тропа ведет к, вон, видишь, вон к тому лысому пригорку. Мы его называем Джратап. Не знаю, почему так называют, но так вот и называют - Джратап. А дальше – по холмам можно выйти к дороге, ведущей из деревни Гавахан к Чартару.

Честно говоря, мне было все равно, какая дорога куда ведет. Я была заморожена пейзажем. Как это я раньше ничего этого не замечала?

- Как красиво! – почти запела я.

- Да, очень красиво, – мечтательно протянул дедушка Вардан. – А сейчас я открою тебе тайну. Никто из чужаков не знает, да и мало кто из местных знает, что когда по лесу спускаешься в овраг, чтобы дальше подняться к Джратапу, там есть место, где начинается совсем незаметная тропинка. Она ведет в ущелье. А по этой вот тропинке – по ущелью и можно в три раза быстрее, а главное, совершенно незаметно попасть в Чартар.

- Дедушка Вардан, как интересно. Давай пойдем туда, а.

- Далековато, детка. Устанешь.

- Ну, дедушка Вардан, не устану. Пойдем, а.

- Да, что я буду воевать-то с тобой. Пошли.

Мы пошли по пути, который прошли Поладов и Эрикназ, а за ними и все войско.

- Ты представляешь, да, что это такое: четыреста человек на лошадях. С ними почти пятьдесят мулов нагруженные патронами, две пушки, несколько повозок для пушечных снарядов, несколько пулеметов. Все это растянулось на километр и даже больше... Светлело, когда вся эта вереница в тумане покинула деревню. Я сопровождал Эрикназ. Держал ее коня за узду. Всю дорогу они с Хосров-беком разговаривали. О чем они говорили, я тебе не скажу, но я был удивлен тем, что Поладов знает так много стихов. Он сказал, что всю ночь читал книгу, переданную ему Эрикназ.

Дедушка Вардан вдруг остановился.

- Вот, – сказал он, – запомни, вдруг пригодится. С этой вот орешины и начинается тропинка, ведущая в ущелье. Тут и остановилась твоя прабабушка Эрикназ. Она объяснила, как надо идти дальше. Поладов пропустил вперед войско. Кони боялись вступить на эту узкую и опасную тропу. Тропа была настолько узкой, что по ней могла пройти только одна лошадь. Воины спешили, чтобы везти коней за уздечку. Когда на эту тропу ступили и прошли несколько воинов, Эрикназ сказала: «Всё. Я выполнила свое обещание, Хосров-бек». А Поладов ответил: «Благодарю тебя, Великая Ханум. После войны я приеду к вам в гости». Мы с Эрикназ повернули обратно. Мимо нас медленно двигалось войско. Все турецкие воины разглядывали нас во все глаза. Это было нелегко выдержать, когда ты знаешь что идешь мимо зверей, которые способны на все. Стоит лишь им получить приказ...

* * *

Все войско Поладова растянулось километра на два и в одну шеренгу двигалось почти по дну не очень глубокого ущелья. В самом конце – после мулов с патронами должны были войти в ущелье повозки со снарядами для пушек. Они замешкались, потому что нужно было вырубить два дерева, чтобы можно было бы протащить повозки. Две повозки с большим трудом прошли. Закрыв собой всю тропинку, повозки медленно, очень осторожно продвигались вперед.

Туман местами чуть рассеялся, а местами был очень густой, и почти ничего не было видно, хотя было уже вполне светло. Вдруг громкий крик Асланика пронзил тишину: «Огонь».

Со стороны Джратапа, по всей длине берега ущелья в одно мгновение раздалось шестьдесят выстрелов. Со дна ущелья послышались турецкая ругань, крики раненных и лошадиное ржание. Пока турки приходили в себя и пытались сориентироваться, откуда стрельба и стали беспорядочно палить в эту сторону, с тыла – им в спину, открыли огонь

ополченцы, расположившиеся на противоположном берегу ущелья. Одновременно отряд под командованием Аракела (к ним присоединился и Вардан) атаковал и отбил отставшие повозки с боеприпасами. Тем самым был закрыт путь к отступлению. Турки оказались в полном окружении. Начался их отстрел.

Армяне-ополченцы ясно видели свои цели. Немного мешал туман, но он постепенно рассеивался. Турки попрятались за деревьями, в расщелинах камней и за тушами убитых лошадей. Они лишь наугад стреляли в сторону береговой линии ущелья. После нескольких залповых выстрелов армяне изменили тактику, и стали стрелять одиночными выстрелами только когда ясно видели цель. «Стрелять только наверняка». – Это был приказ Асланика. Надо было беречь патроны – их у ополченцев всегда бывало мало.

Поладов сидел за деревом и продумывал план контрдействий, когда к нему подполз Эйбатов.

- Я же говорил, что не надо идти сюда. Я же говорил, что ополченцы что-то затевают.

- Замолчи. – Крикнул Поладов и достал пистолет.

- Не убивайте меня. Я знаю это место. Я знаю, как выйти отсюда. – Завопил Эйбатов.

- Ты лучше позови офицеров ко мне. – Приказал Поладов.

Когда подошел первый офицер Поладов спросил:

- Сколько у тебя потерь?

- Половина личного состава, эфенди Поладов, - с упреком в голосе сказал офицер. Он-то хорошо понимал, что отклонение от намеченного маршрута была личная инициатива Поладова.

Такая же примерно информация о потерях поступила и от других офицеров. Командир артиллерийского расчета доложил, что невозможно развернуть пушки – слишком узко и открыто. Ответственный за пулеметный расчет заявил, что они готовы открыть ответный огонь. Поладов сказал, что он на них рассчитывает и изложил план прорыва окружения.

- Под прикрытием непрерывного пулеметного и артиллерийского огня (неважно, куда будут направлены пушки – он предупредил возражение офицеров) две группы попытаются незаметно пробраться и атаковать две цели – вход и выход ущелья. Ясно?

Молчание было ответом.

- Есть другие предложения?

Молчание было ответом. Офицеры демонстрировали презрение к своему командиру, загнавшему отряд в столь катастрофическое положение. Было ясно, что никому не удастся

выбраться живым. Наступило тягостное молчание. Слышна была лишь отзывающаяся эхом, нередкая перестрелка. Наконец Поладов сказал:

- Поймите, это единственный план спасения. Надо приступать к выполнению немедленно. Если нет других предложений, то...

- Да, - сказал старший и по званию и по возрасту офицер, - Но сначала мы арестуем вас, эфенди Поладов.

Хосров-бек в мгновение ока выстрелил в офицера. И в тот же момент получил сзади удар прикладом в голову. Офицеры связали Поладова и приставили к нему аскера. Потом сели на совет. Кратко обсудили ситуацию и приняли план Поладова с той лишь разницей, что было решено, открыто атаковать вход в ущелье, тем самым отвлекая армянские силы и скрытно провести пятьдесят-шестьдесят аскеров к выходу из ущелья и зайти в тыл ополченцам.

В десять часов тридцать минут послышались два залпа из немецких горных пушек «Шнайдер» и стали началом операции. Четыре пулемета, имеющиеся у турок, одновременно начали стрелять, держа под огнем береговую линию в районе входа в ущелье.

Аракел лежал в укрытии и слыша непрерывное тархтение пулеметов, сказал Вардану:

- В нашу сторону стреляют. Почему? Ничего, скоро у них закончатся патроны.

- О чем ты говоришь, слушай. Это ж, гады, тратят наши патроны.

- С чего ты решил, что это наши патроны?

- После боя они станут нашими. Надо остановить их. Аракел, ты видишь пулеметы?

- Да. Два из них я вижу. – Чуть погодя Аракел задумчиво сказал, - Что-то они задумали.

- Надо остановить их. Одного пулеметчика я беру на себя. Я подойду ближе. Отправь троих, пусть остановят другие пулеметы.

В этот момент Аракел и Вардан одновременно закричали:

- Ту-урки-и!

Примерно сто пятьдесят аскеров вынырнули откуда-то и оказались на расстоянии примерно ста метров. Все двадцать пять ружей, охраняющих вход в ущелье, почти одновременно выстрелили. Многие из аскеров упали. Атаку заметили и ополченцы по обоим берегам ущелья. Ребята Ветиса и Асланика с разных берегов стали сверху стрелять в атакующих. Пулеметы продолжали стрелять. Раздавались все новые и новые залпы «шнайдеров». У ополченцев появились первые потери. Одна огневая точка турок была погашена – пулемет замолчал.

Попад под перекрестный огонь с трех сторон, турецкая атака захлебнулась. Аскеры залегли и попрятались в укрытиях. Они отстреливались как могли.

А в это время в противоположном конце ущелья шестьдесят аскеров пробирались по каменистым склонам ущелья наверх. Это заметили ополченцы с противоположного берега. Началась стрельба. Руки ползущих наверх турок были заняты – они держались за камни. Они, собственно, не могли и нормально развернуться, чтобы выстрелить. Туркам оставалось только надеяться, что в них не попадут. Пулеметное прикрытие оказалось совершенно не эффективным, и половина аскеров было, как говорится, снято со стены прямым расстрелом. Но, все же, около тридцати аскерам удалось вскарабкаться на самый верх и выйти на открытое пространство Джратапа. Собравшись все вместе и перегруппировавшись, турки попытались организовать атаку с тыла расположения части сил ополченцев, находящихся джратапском берегу ущелья, под командованием Асланика. Но лобовой прицельный огонь ребят Асланика и огонь с левого фланга – с противоположного берега – группировки Ветиса заставил турок лечь на землю. Завязалась перестрелка. Этим воспользовались турки, атаковавшие вход ущелья. Они снова поднялись в атаку. Ополченцы на левом берегу оперативно разделились на две группировки: одна поддерживала Асланика, вторая – под командованием Амирбара продолжала держать под огнем вход в ущелье. К этой атаке армяне были готовы. И снова перекрестный огонь, организованный ими – лобовой и сверху, причинив большие потери, приковал турок к земле.

Тем временем Хосров-бек пришел уже в себя и уговаривал охранявшего аскера за большие деньги освободить его. Свобода пришла с неожиданной стороны. Нерсес Эйбатов, улучшив момент, ударив огромным камнем по голове, убил аскера.

- Я знаю здесь пещеру, которая выведет нас к деревне Агорты. – сказал он очень тихо. – Там можем укрыться на время, а ночью доберемся до Шуши раньше, чем кто-либо из них.

На несколько мгновений Хосров-бек колебался, но услышав атакующую конницу и радостные возгласы ополченцев Асланика, понял, что все уже закончилось.

- Пошли, - сухо сказал он Эйбатову.

Это был конный отряд численностью в тридцать человек, дополнительно отправленный Лалаяном в помощь отряду Асланика по просьбе уже беженцев из деревень и гонцов из Мсмны. Увидев вдалеке отряд, Асланик и подумав, что это Лалаян, воскликнул:

- Бейте, ребята, смелей. Наш командир Лалаян пришел нам на помощь.

Налетевший с тыла отряд буквально растоптал под копытами аскеров, лежащих напротив ополченцев Асланика.

Артиллеристы и пулеметчики заметили побег Поладова и, побросав орудия и пулеметы, в панике, пытаясь спастись, побежали за ними в пещеру. Остатки турецкого войска, лежавшие у входа, были в упор расстреляны ополченцами из сел, уничтоженных турками.

К полудню все уже было закончено.

* * *

- В ущелье мы всех турок перебили, детка. Всех, до единого. Впрочем, спасся только Поладов.

- Так им и надо, – в сердцах сказала я.

- Да, детка. Все они получили по заслугам. И это сделал твой род, детка. Запомни.

Этим вечером, когда мы всей семьей: с двоюродными сестричками и братишками, с нашими родителями с прабабушкой во главе, сидели за столом и ели мацун из козьего молока с медом, а мой прадедушка Авак вел свою, как обычно, молчаливую беседу с дедушкой Варданом на веранде, я спросила у прабабушки Эрикназ.

- Бабушка, это действительно сделал наш род?

Все посмотрели на меня. Всех удивил мой вопрос. Никогда раньше я не говорила о нашем роде. И слово «род» в нашей семье был малоупотребимым.

- Что, милая, сделал наш род?

- Ну, побила турок в ущелье.

- Нет, милая.

- А дедушка Вардан говорит, что это сделал наш род.

- Он преувеличивает, детка. Эту пощечину туркам, этот урок им преподал народ – обычные люди, наши соседи: мужчины – стар и млад, женщины, дети, ребята из соседних деревень, ополченцы-фидаины. Словом – все. Понятно?

- Но ты разве не говорила с Хосров-беком, один-на-один, перед всем турецким войском?

- Да, детка. Что было, то было.

- Разве не ты придумала – накормить-напоить турок, потом их завлечь в засаду и уничтожить? Не ты, скажи, не ты, бабушка?

- Всё. Не болтай, Галина.

- Почему, бабушка?

- Много будешь знать – быстро состаришься. Всё. Время спать.

Она несколько секунд промолчала. На лице ее появилась и через мгновение погасла слабая улыбка.

- Варсеник, - обратилась она к моей маме – отведи детей в спальню.

Так закончился этот день в деревне Мсмна, что в Карабахе.

* * *

Хосров-бек Поладов после этого позорного поражения больше не появлялся в Шуши. Поговаривали, что он подался в Среднюю Азию. Записался в большевики и дослужился до поста первого секретаря Ферганского обкома партии.

Дальнейшая судьба Нерсеса Эйбатова нам не известна.

В пещере, через которую они ушли с поля боя были найдены несколько трупов турецких аскеров, предположительно – артиллеристов и пулеметчиков. Видимо их убил Поладов, чтобы убрать последних свидетелей его позора.

Асланик принес трофейные пушки, пулеметы и боеприпасы в Гадрут, где дислоцировались основные силы ополченцев Дизакского района. Несколько преувеличенно представив свою роль во всей операции, рассказал подробности своему командиру Лалаяну. А вскоре и вовсе стал легендой. О нем стали слагать песни. Через несколько месяцев был убит. Говорят, был убит армянами.

Через очень короткое время после Асланика был убит и Ветис. Говорят, тоже был убит армянами. Видимо, эти две смерти как-то связаны между собой. Ведь в Мсмне некоторые до сих пор считают, что Ветис играл ключевую роль во всей этой операции.

Аракел вступил в партию «Дашнакцутюн». В советское время перебрался в Ереван, обзавелся новой семьей и продолжал учительствовать. В 1937 году был арестован как агент Турции. Во время допросов, измученный и изуродованный побоями и пытками, он говорил, что согласен быть агентом любой другой страны, но не Турции. Это забавляло чекистов и они, мучая его, и физически, и духовно, заставляли быть именно турецким агентом. Так он и не подписал этой бумаги и его отправили в Сибирь, в одной летней одежде, как врага народа.

Вардан так и не женился. Говорил, что ищет жену, похожую на Эрикназ. Умер через несколько дней после нее.

Семья Авака долго еще прожила в Мсмне. Подверглась аж четырехкратному раскулачиванию. Но, то отдельная история.

У Амирбара была счастливая и многодетная семья: жена Сонишка из соседней деревни Гавахан и пятеро детей Артем, Сурен, Варсеник, Гурген и Арфеник

Сам Авак прожил долгую жизнь. Однажды, когда ему исполнилось сто один год, он вышел на веранду, сел на свое место, посмотрел на горы и сказал:

- Как можно оставить эту красоту?

Сказал и умер.

Через два года – незадолго до Великой Отечественной войны, умерла и Эрикназ.

Варсеник недавно скончалась – в 2007-ом.

Галина ныне проживает в Москве. У нее два сына и два внука.

Пора им тоже знать, что это сделал их род.

Вачаган Ваградян
Преподаватель РАУ,
исследователь истории.